

РАЗЛИЧЕНИЕ ВИДОВОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ГЛАГОЛА НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА (экспериментальное исследование)

С. В. Мкртычян

Тверской государственной университет, Тверь

В статье обсуждается проблема владения родным языком, описываются результаты экспериментального исследования, направленного на выяснение чувствительности носителей языка к видовой оппозиции глаголов несовершенного/совершенного вида.

Ключевые слова: «чувство языка», грамматическая категория, вид русского глагола, эксперимент, интерпретация.

Изменение системы образования способствует подмене реальных результатов образования формальными показателями, что постепенно приводит к увеличению количества людей со слабым «чувством языка».

Целью настоящей публикации является обсуждение результатов экспериментального исследования «чувства языка». В центре внимания – выяснение чувствительности носителей языка к видовой оппозиции глаголов несовершенного (далее – НСВ) / совершенного (далее – СВ) вида.

«Чувства языка» лежит в основе речевой способности личности и связано с творческим комбинированием языковых единиц и высказываний. «Чувство языка» формируется с детства, оно заставляет реагировать на постоянно изменяющиеся ситуации речевого общения и регулярно создавать фразы, не встречавшиеся в речевом опыте. В свою очередь изменение ситуации и новые комбинации высказывания рождает у ребёнка новые мысли, откуда возникает и новое выражение их посредством языка. Именно в тот момент, когда ребёнок находит новое речевое решение в какой-либо конкретной ситуации, происходит развитие языковой способности. Совокупность развитых у ребёнка речевых умений и навыков и составляют языковую способность, которая позволяет ему понимать и строить новые высказывания в соответствии с речевой ситуацией и в рамках системы правил, принятых в данном языке для выражения мыслей.

Опора на «чувство языка» и обращение к языковому опыту учащихся является одним «из важнейших принципов обучения родному языку» [5 1988: 175]. Большинство лингвистов трактуют понятие «чувства языка» с интеллектуалистских позиций, рассматривая его как сумму знаний о языке, полученных в результате бессознательного обобщения многочисленных актов речи, функционирующих в виде языковых представлений индивида и регулирующих правильность (нормативность) его речи. Другие исследователи считают «чувство языка» эмоциональным переживанием, связанным с чувством удовольствия или неудовольствия, привычностью или непривычностью языкового оформления высказывания. Третьи пытаются занять «примирительную» позицию. Так, А.Н. Кохичко пишет: в лексике русского языка чутьё (интуиция) – неосознанное (общее, неопределённое,

безотчётное, стихийное, непосредственное) чувство, основанное на предшествующем опыте; способность чутя (ощущать, осязать, обонять, слышать, предчувствовать, угадывать); инстинкт, догадка, наитие. Тогда как чувство – это состояние, возможность, (высшая) способность сознательно воспринимать (переживать) явления (деятельность) внешнего мира; сознание; познание; понятие; благоразумие, мудрость» [4: 3]. Иначе говоря, чутё языка связывается с умением подбирать слова, а чувство языка – это неосознанное владение грамматикой родного языка, «следование правилам морфологии и синтаксиса» [6: 234].

Кажется, что намеченная выше дихотомия весьма искусственна, поскольку грамматический строй отражает самые общие связи и отношения между сущностями действительности и при этом каждая грамматическая категория оказывает мощное организующее влияние на лексику. Одновременно с этим словоформа, реализующая одну или несколько грамматических категорий, воспринимается как оболочка лексической единицы. По этой причине среднестатистический носитель языка задумывается о значении (в широком смысле) слова, а не о реализованной в этом слове грамматической категории. Грамматика оказывается «погружённой в жизнь», в коммуникативную ситуацию. По этой причине чувство языка отграничивается от чутя языка на сугубо формальном основании. Приоритет коммуникативной значимости лексического или грамматического в употреблении слов вряд ли может быть установлен. Чувство языка проявляется в уместно употреблённом слове в нужной форме.

Возвращаясь к проблеме необходимости прививания «чувства языка» его носителям, обсудим результаты эксперимента.

Предварительно следует заметить, что вид является в русском языке облигаторной грамматической категорией и тем самым его выражение обязательно. «Употребляя в предложении глагол, мы должны употребить его в форме СВ или НСВ – даже если мы не имеем в виду передать ни один из тех смыслов, которые могут выражаться категорией вида [1: 10].

Ещё раз подчеркнём, что особая сложность в интерпретации семантических оттенков видовых корреляций носителями языка связана со спецификой грамматического значения, которое характеризуются «несамостоятельностью», автоматизмом выражения, пониженной осознаваемостью (интенциональностью) в сравнении с лексическим значением. Они лишь сопутствуют лексическим значениям и оформляют их, не становясь отдельным предметом мысли. С.Д. Кацнельсон отмечает, что «владение грамматическими формами характеризуется иной когнитивной модальностью. Хотя выражение мысли и её понимание совершается при посредстве грамматических форм, в фокусе внимания участников речевого общения находится лишь вещественное содержание речи. Функции грамматических форм осознаются лишь совместно с полнозначными словами и при их посредстве. Толкование грамматических форм в отдельности представляет для говорящих значительные трудности. Оно становится возможным лишь тогда,

когда грамматический строй становится объектом научного познания» [3: 114–115]. Всё сказанное в полной мере относится к категории вида.

В эксперименте приняли участие 20 магистрантов Тверского государственного университета, обучающихся по направлению «Лингвистика». Задание для проведения эксперимента было сформулировано следующим образом: Прочитайте реплики и определите, где уместен а) глагол только СВ; б) глагол только НСВ; в) оба глагола. Там, где можно использовать оба глагола, прокомментируйте смысловое различие, если оно есть.

В качестве стимульного материала выбрано несколько минимальных контекстов, которые не содержат эксплицитных маркеров вида (например, указание на кратность действия, наличие результата и т.п.) и в которых возможно употребление как СВ, так и НСВ. Контексты позволяют установить дифференциальные признаки каждой из видовых пар в том случае, если эти признаки распознаются испытуемыми (далее – Ии.).

Рассмотрим некоторые предложенные для эксперимента контексты с комментариями Ии.

1. – *Самовар украли.*

– *Кто КРАЛ/УКРАЛ?*

Типичен СВ, но НСВ подразумевает повторяемость действия, представляет действие как нечто само собой разумеющееся. Как пишет Г.М. Зельдович «НСВ хорош, если только это диалог двух воров из шайки, потому что для них кража – заурядная, каждодневная вещь» [2: 82].

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. Кто и как самовар крал, никто не видел.
2. Кроме самовара украдено что-то ещё, действие продолжалось долго.
3. Акцент на факт, свершившееся действия.
4. Одноразовое действие. Украл, и всё.
5. Неважно, кто, а важно, что самовара нет.
6. Повторяющееся действие (2 ответа).
7. Крал на протяжении долгого времени.

Для СВ

1. Вопрос про самовар непосредственно.
2. Человек крал на протяжении какого-то времени только самовары.
3. Вора застали на месте преступления.
4. Однократное действие (2 ответа).
5. Самовара нет.

2. – *Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи, пожалуйста, лук.*

СВ привлекает внимание к результату предстоящего действия, а НСВ служит, чтобы подчеркнуть интерес говорящего к тому, что есть или будет перед тем, как действие состоится. Скорее всего значит, что СВ

свидетельствует о том, что лук будет добавлен уже в готовый суп, а НСВ – что лук будет добавляться в суп в ходе его варки.

Комментарии Ии.:

Для НСВ:

1. Не факт, может, и не сварю, потому что устану.
2. Не точные по срокам планы, лук на самом деле, может, и не понадобится.
3. Планирую варить.
4. Я буду варить суп в любом случае, но с луком будет лучше.
5. К твоему приходу я буду находиться в процессе приготовления супа.
6. Упор на процесс, а лук нужен как ингредиент.
7. Буду варить суп на протяжении какого-то времени; возможно, не получится с первого раза и придётся варить снова.
8. Не хватает ингредиентов.

Для СВ:

1. Большая доля уверенности, что суп будет.
2. Точно будет итог, острая необходимость в ингредиенте.
3. Точно сделаю.
4. Я сварю, если ты купишь лук.
5. К твоему приходу я уже сварю суп.
6. Как будто лук нужен будет в дополнение к супу (как хлеб, например), а не в качестве ингредиента.
7. Я его точно сварю, я точно знаю, что он будет вкусный, и мне ничто не помешает его сварить.
8. Решение на месте в значении «Дай-ка сварю я суп».

3. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА суп. Пусть Иван ест!

При СВ можно понимать, что суп сварен специально для Ивана, а НСВ вероятность такой интерпретации существенно снижает, и возникает эффект «давности», которая в данном случае принимает вид временной разобщенности между варкой супа и приглашением, чтобы Иван ел. Но здесь возможна и другая интерпретация: акцент на процессуальности (трудовых и временных затратах) приводит к усилению долженствования (*Я потратила время, поэтому Иван ДОЛЖЕН есть*).

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. Потратила много времени.
2. Подчеркивает, что именно она приготовила.
3. Суп не готов.
4. Я варила суп давно, возможно, он остыл //Я варила суп, но меня прервали либо я была в процессе, поэтому не могла ответить, например, на звонок.
5. Упрек Ивану («Я же старалась, варила, а он не ест!»)
6. Процесс, супа нет.
7. Нет завершённости действия.
8. Важно показать процесс: я варила, устала.

Для СВ

1. Завершённое действие, суп есть.
2. Завершённость действия, которая важна для данной речевой ситуации.
3. Суп приготовлен, позыв к столу.

4. Суп сварен, Иван может его есть.
5. Суп готов, Ивану есть, чем пообедать.
6. Суп на плите уже.
7. Только что закончила.
8. Суп готов.
9. Суп уже готов, его можно есть, но он ещё горячий (сварила недавно).

4. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА вкусный суп.

Здесь контекст привлекает внимание к результату словом *вкусный*, поэтому требуется СВ. Семантика видов находит себе точку опоры в понятии результата. НВ поддерживает мотив «давности» («были такие времена, когда я варила вкусный суп»).

Комментарии Ии.:

В зависимости от смысла говорящего; быть может, суп получился вкусным после того, как его сварили, а вдруг она его уже много раз варила и знала, что он в любом случае вкусный.

Недостаточно контекста (можно рассматривать и как процесс, и как результат).

Для НСВ

1. Тут надо добавить ещё какое-то действие. Например: Я варила вкусный суп и тушила мясо.
2. Процесс был, но результат не соответствует ожиданиям.
3. Результат неизвестен, возможно, суп в результате по каким-то причинам был испорчен.
4. Финального результата может и не быть, суп вышел невкусный, и она его вылила.
5. Раньше суп был вкусный, а теперь нет☹.
6. Варила когда-то раньше и сейчас супа нет.
7. Действие не закончено.
8. Варила вкусный суп, а получился он не очень.

Для СВ

1. Суп получился вкусным.
2. Суп уже на плите.
3. Я варила суп, а получился вкусный, какая радость!
4. Суп готов, он действительно вкусный.
5. Есть финальный результат: кастрюля вкусного борща.
6. Сейчас есть вкусный суп.

Ответы Ии. по каждому из контекстов систематизированы в таблице.

Таблица. Результаты эксперимента.

Исходный контекст	Ответы Ии. в %				
	«Возможен глагол только одного вида»	«Возможны глагола, существенной разницы значения»	оба нет в	««Возможны оба глагола, разница есть, но объяснить трудно»	Комментарии
1. – Самовар украли. – Кто КРАЛ/УКРАЛ?	СВ 45%	10%		10%	
2. – Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи,	НВ 10%	40%		10%	40%

пожалуйста, лук.				
3. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА суп. Пусть Иван ест!	СВ 40%	10%	5%	45%
4. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА вкусный суп.	СВ 10%	25%	25%	40%

Привлечённые в качестве экспериментального материала контексты ясно обнаруживают, что обстоятельства, влияющие на выбор НСВ и СВ, чрезвычайно субъективны. Примерно равная приемлемость СВ и НСВ в некоторых контекстах связана с тонкими предпочтениями, разграничение которых обеспечивается «чувством языка». А неразграничение этих контекстов может расцениваться как серьёзный симптом слабого владения родным языком.

Список литературы

1. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. Мюнхен, 2007. 148 с.
2. Зельдович Г.М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур. 2012. 648 с.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и языковое мышление. Л.: Наука, 1972. 231 с.
4. Кохичко А.Н. О проблеме развития чувства языка при обучении русскому языку как родному // Начальная школа плюс до и после. 2010. № 10. С. 77–82. [Электронный ресурс] URL: http://school2100.com/upload/iblock/854/854cbd1911b737_cafc32c166a792e9d8.pdf. Дата обращения – 24.04.2017.
5. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М.: Просвещение, 1988. 240 с.
6. Федоренко Л.П. Принципы и методы обучения русскому языку: пос. для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1964. 256 с.

LANGUAGE USER SENSITIVITY FOR VERB ASPECT OPPOSITION OF PERFECT/INDEFINITE (supported with experimental data)

S.V. Mktytchian

Tver State University, Tver

The results of an experimental study aimed at revealing language user sensitivity for verb aspect opposition of Perfect/Indefinite are given to illustrate the authors' position.

Key words: functional illiteracy, feeling for language, grammatical category, aspect of the Russian verb, experiment, interpretation.

Сведения об авторе:

МКРТЫЧЯН Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: mkrtytchian@mail.ru